

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Эдгар Аллан

ПО

Золотой жук

Рассказы

Москва

2019

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)я44

П41

Перевод с английского

Оформление серии *Н. Ярусовой*

По, Эдгар Аллан.

П41 Золотой жук : рассказы; [пер. с английского] /
Эдгар Аллан По. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с. —
(Всемирная литература).

ISBN 978-5-04-104445-9

Влияние на мировую литературу Эдгара По — американского поэта, прозаика, журналиста и критика — очень велико. Он по праву считается родоначальником нового для своего времени литературного жанра — детективных рассказов. Жизнь его была полна тайн, так же как и его произведения.

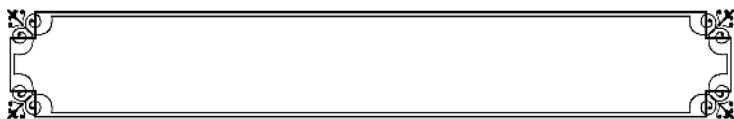
В сборник вошли новеллы разных лет — таинственные истории, в которых трудно провести грань между реальностью и вымыслом, а ужас подавляет все остальные чувства, завораживают и заставляют поверить в необъяснимое.

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)я44

- © Галь Н., перевод на русский язык.
Наследники, 2019
- © Маркиш С., перевод на русский язык.
Наследник, 2019
- © Старцев А., перевод на русский язык.
Наследник, 2019
- © Урнов М., перевод на русский язык.
Наследник, 2019
- © Александрова З., перевод на русский язык.
Наследник, 2019
- © Холмская О., перевод на русский язык.
Наследник, 2019
- © Демурова Н., перевод на русский язык, 2019
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104445-9

КОРОЛЬ ЧУМА

Рассказ, содержащий аллегорию

То боги позволяют венценосцам,
Что их в сословье подлом возмутит.

*Бакхерст.
«Трагедия о Феррексе и Поррексе»*

Однажды в октябре, около двенадцати часов ночи, в пору доблестного царствования третьего из Эдуардов, два матроса из команды «Беззаботной», торговой шхуны, курсирующей между Слуйсом и Темзою, а тогда стоявшей на якоре именно в Темзе, были весьма изумлены, обнаружив себя сидящими в пивной, расположенной в приходе Св. Андрея, что в Лондоне, — каковая пивная в качестве вывески имела изображение «Развеселого матросика».

Комната, неудобная, закопченная, низкая и во всех других смыслах схожая с заведениями подобного рода в те времена, — все же, по мнению гротескных групп, там и сям в ней расположившихся, в достаточной мере отвечала своему назначению.

Из них самую любопытную, а быть может, и самую бросающуюся в глаза компанию составляли, по-моему, два наших матроса.

Тот, кто казался старшим и кого его товарищ называл характерною кличкою «Рангоут», был и самый высокий из двоих. Рост его достигал едва ли не шести с половиною футов, и его постоянная сутулость казалась неизбежным последствием столь чудовищной высоты. Избыток роста, однако, более чем с лихвой искупался изъянами иного рода. Он был чрезвычайно худ и мог бы, как утверждали

его товарищи, в пьяном виде служить вымпелом, а в трезвом — бушпритом. Но эти и подобные им шутки, видимо, никогда не оказывали действия ни на единый *musculus risorius*¹ матроса. Выражение его лица, скуластого, горбоносого, подуздоватого, с огромными белыми глазами навывкате, хотя и тупо равнодушное ко всему существу, при этом было столь серьезно, что не поддавалось ни описанию, ни воспроизведению.

Матрос помоложе, если судить по наружности, являл собою полную противоположность своему спутнику. Он был не выше четырех футов. Неуклюжее, коренастое тело поддерживали толстые кривые ноги, а необычно короткие и плотные руки с громадными кулаками болтались по бокам наподобие лап морской черепахи. Поблескивали глубоко посаженные глазки неопределенного цвета. Нос утопал в круглом, пухлом, багровом лице; а толстая верхняя губа покоилась на еще более толстой нижней с видом самодовольной уверенности, усугублявшимся от привычки их обладателя время от времени облизываться. Он, по всей очевидности, относился к своему товарищу с чувством поллуважительным, полускептическим; и порою смотрел ему в лицо, как заходящее алое солнце смотрит снизу вверх на утесы Бен-Невиса.

Многообразны и богаты событиями были в тот вечер скитания достойной пары по окрестным питейным заведениям. Самая обильная казна способна оскудеть, и наши друзья пришли в этот кабак с пустыми карманами.

В то самое время, когда, собственно, и начинается наше повествование, Рангоут и друг его Хью Брезент сидели посередине зала, положив локти на большой дубовый стол и подперев щеки ладонями. Из-за громадной бутылки «пенного», за которую еще не было заплачено, взирали они на многозначительные слова «Мела нет», к их изумлению и негодованию начертанные над дверью тем самым минералом, наличие которого надпись пыталась отрицать. Не то

¹ Мускул смеха (*лат.*).

чтоб можно было по всей строгости счесть питомцев моря наделенными даром расшифровывать письма — даром, среди простонародья их дней почитаемым немногим менее каббалистическим, нежели искусство писания, — но, если сказать правду, в самой форме букв был некий перекокс — крен в подветренную сторону, — который, по мнению обоих матросов, предвещал долгие шторма и привел их к решению, если пользоваться аллегорическими словами самого Рангоута, «пустить в ход помпы, поставить паруса и бежать впереди ветра».

Соответственным образом расправившись с остатками эля и запахнув короткие бушлаты, они наконец рванулись на улицу. Хотя Брезент дважды закатывался в камин, приняв его за дверь, все же в конце концов их побег завершился удачей — и половина первого ночи застала наших, готовых на любые проделки, героев бегущими со всех ног по темному переулку к лестнице Св. Андрея и преследуемыми взъяренной хозяйкой «Развеселого матросика».

В эпоху, когда протекало действие нашего богатого событиями повествования, а также на протяжении многих предыдущих и последующих лет вся Англия, а столица ее в особенности, периодически оглашалась ужасным криком: «Чума!» Город был в огромной мере опустошен — и по тем страшным кварталам, сопредельным Темзе, где среди темных, узких, загаженных переулков, по преданию, родился Демон Чумы, рыскали одни лишь Тревога, Ужас и Суеверие.

Волею короля такие кварталы объявлены были запретными, и нарушать их жуткий покой возбранялось под страхом смерти. Но ни указ государя, ни огромные барьеры, возведенные у начала улиц, ни перспектива смерти, почти с полной вероятностью настигавшей несчастного, которого никакая беда не в силах была удержать от дерзновенной попытки, — ничто не спасало от еженощных грабежей опустелые и обезлюдившие жилища, очищаемые от всего, сделанного из железа, меди или свинца и способного принести хоть какой-нибудь доход.

Помимо всего прочего, обнаруживалось, как правило, после того, как каждую зиму убирали барьеры, что замки, засовы и тайные погребца весьма неудовлетворительно охраняли те обильные запасы вин и крепких напитков, которые их владельцы, боясь риска и хлопот, сопряженных с их перевозкой из лавок в запретных кварталах, решились доверить на время выезда столь ненадежной защите.

Но лишь весьма немногие из перепуганных жителей считали подобные происшествия делом рук человеческих. Духи Чумы, бесы мора, демоны заразы были в то время обычными пугалами; и каждый час рассказывали о них такие леденящие кровь истории, что все запретное скопление домов оказалось окутанным страхом, словно саваном, и часто самого грабителя спугивали ужасы, созданные его собственными преступлениями; и во всем обширном пространстве запретной части города царил мрак, тишина, зараза и смерть.

И один-то из этих ранее упомянутых зловещих барьеров, обозначавших границу запретных зачумленных кварталов, внезапно преградил путь Рангоуту и достойному Хью Брезенту, пробравшимся по глухому переулку. О возвращении не могло быть и речи, исключалось и промедление, ибо погоня настигала их. Вскарabкаться по грубо сколоченным доскам для заправских моряков было бездельем; и, вдвойне разгоряченные бегом и выпивкой, они не мешкая перемахнули через ограду и, подбадривая себя криками и улюлюканьем, вскоре потерялись в зловонных и запутанных переулках.

Да, не будь они пьяны до утраты рассудка, ужас положения, в которое они попали, наверное, остановил бы их нетвердые шаги. В холодном воздухе стоял туман. Булыжники, вывороченные из мостовых, в беспорядке валялись среди густой травы, доходившей до щиколоток. Развалины домов загромаждали улицы. Всюду разносилось самое омерзительное и ядовитое зловоние, а тот жуткий свет, что и полуночной порою мерцает во влажной и зараженной атмосфере, позволял увидеть, как лежат в закоулках и тупи-

ках или гниют в лишенных окон строениях трупы многих ночных мародеров, остановленных чумою в самый момент грабежа.

Но ничто видимое или ощущаемое не в силах было удержать людей, храбрых от природы, а тогда в особенности, полных до краев отвагой и «пенным», готовых следовать прямо — насколько позволила бы их валкая походка, — прямо в зев Смерти. Вперед, все вперед шествовал хмурый Рангоут, заставляя мрачное безлюдье вновь и вновь отзываться эхом на его вопли, подобные страшным воинственным кличам индейцев; и вперед, все вперед катился толстяк Брезент, уцепившись за бушлат своего более прыткого товарища и значительно превосходя его самые мощные голосовые усилия, издавая *in basso*¹ бычий рев во всю силу своих стенторовых легких.

Наконец они, судя по всему, достигли средоточия заразы. С каждым их шагом или рывком переулки делались все зловоннее и омерзительнее, все уже и запутаннее. То и дело с гниющих крыш над головою низвергались огромные балки и камни, и тяжесть их падения говорила о громадной высоте окрестных домов; требовались немалые усилия для того, чтобы продираться сквозь частые кучи мусора, и совсем нередко рука натыкалась на скелет, а то и на труп, еще облеченный плотью.

Внезапно, когда матросы набрали на вход в высокое и зловещее здание, особо пронзительному крику возбужденного Рангоута ответил изнутри быстрый и нестройный хор бешеных, дьявольских воплей, похожих на смех. Не обескураженные этими звуками, хотя в подобное время и в подобном месте они могли бы остановить сердце, менее разгоряченное, двое пьяных очертя голову рванулись к двери, распахнули ее настежь и ввалились внутрь, шатаясь и изрыгая хулу.

Помещение, куда они попали, оказалось лавкою гробовщика, но сквозь открытый люк в углу недалеко от вхо-

¹ Басом (*um.*).

да виднелся длинный ряд винных погребов, чья глубь, как свидетельствовал порою звук откупориваемых бутылок, была отменно заполнена надлежащим содержимым.

Посередине комнаты находился стол, в центре же его стоял ушат, видимо с пуншем. Бутылки разных вин и напитков, а также кувшины, баклаги и сулеи всякого вида и разбора в обилии уснащали стол. Вокруг него на гробовых козлах восседала компания из шести человек. Попытаюсь описать их по порядку.

Лицом ко входу и несколько возвышаясь над своими сотрапезниками сидел субъект, казавшийся председателем собрания. Он был высок и худ, и Рангоут пришел в изумление, увидев кого-то более тощего, нежели он сам. Лицо этого человека было желто, как шафран, — но лишь одна черта его была настолько яркою, чтобы заслуживать подробного описания. Чертою этою был его лоб, столь необычно и отвратительно высокий, что он казался беретом или короною из плоти, нахлобученной ему на голову. Рот его был искривлен в пугающе приветливой улыбке, а глаза, как, впрочем, глаза всех присутствующих, остекленели от винных паров. Этот господин от головы до ног был облачен в роскошно вышитый гробовой покров из шелкового бархата, в который небрежно драпировался на манер испанского плаща. Он то и дело с бойким и умудренным видом кивал головою, сплошь утыканною черными перьями с плюмажем на катафалке; а в правой руке держал колоссальную человеческую бедренную кость, которой, казалось, он неведомо почему только что огрел кого-то из присутствующих.

Прямо напротив него и спиною к двери находилась дама несколько не менее необычайного вида. Хотя столь же высокая, как только что описанный субъект, она, не в пример ему, не имела никакого права жаловаться на неестественную худобу. По всему, она пребывала в последней стадии водянки; и фигура ее весьма напоминала огромную бочку октябрьского пива, стоявшую рядом с нею в углу. Лицо ее было необычайно полное, красное и кру-

глое; и облик ее отмечала та же особенность или, вернее, тот же недостаток особенностей, что и упомянутый мною ранее применительно к председателю, — а именно то, что лишь одна черта ее лица была в достаточной мере выразительна для детальной характеристики; да и пронизательный Брезент мигом заметил, что подобное замечание было бы справедливо относительно каждого из присутствующих: любой из них как бы монополизировал некую часть лица. У дамы, о которой идет речь, этой частью был рот. Начинаясь у правого уха он, словно ужасающая пропасть, простирался до левого, и маленькие сережки то и дело в него попадали. Однако она всемерно тщила держать его закрытым и сохранять достоинство, одета же была в свеженакрахмаленный и отутюженный саван, доходящий ей до подбородка и украшенный брыжами из гофрированного миткаля.

По правую руку от нее сидела крохотная барышня, которой она, видимо, покровительствовала. Дрожь исхудалых пальчиков этого нежного создания, ее мертвенно-бледные губы, едва заметный румянец на землистом лице — все непрерываемо свидетельствовало о скоротечной чахотке. Тем не менее ее отличал крайний *haut ton*¹; грациозная, *dégagée*², она была наряжена в просторный и красивый саван из тончайшего индийского батиста; локоны струились по ее шее; нежная улыбка играла на ее устах; но ее нос, чрезвычайно длинный, тонкий, гибкий и прыщавый, свисал гораздо ниже ее рта и, несмотря на то что она время от времени отодвигала его в сторону языком, придавал ее облику несколько двусмысленное выражение.

Напротив нее и слева от дамы, страдающей водянкою, сидел пухлый, сиплый, подагрический старичок, чьи щеки покоились на плечах своего владельца, как два огромных бурдюка с портвейном. Скрестив руки и положив забинто-

¹ Светский тон, светские манеры (*фр.*).

² Непринужденная (*фр.*).

ванную ногу на стол, он словно бы считал себя достойным некоторого уважения. Он, по всей очевидности, гордился каждым дюймом своей наружности, но особенно радовался, привлекая внимание к яркому кафтану. Кафтан этот, говоря по правде, должен был стоить ему немалых денег и сшит был отменно по мерке, а перекроен был из какой-то разноцветной хоругви с вышитым по ней знаменитым гербом — такие хоругви и в Англии, и в других странах, согласно обычаю, вывешивают на домах знатных особ, когда там кто-нибудь опочит.

Рядом с ним и по правую руку от председателя находился господин в длинных белых чулках и коротких бумажных панталонах. Тело его нелепо сотрясалось, ибо на него, как решил Брезент, «ужасти напали». Его недавно выбритые челюсти были натуго соединены муслиновою повязкой, а руки были связаны подобным же образом, что мешало ему вволю угощаться спиртным на столе; предосторожность, по мнению Рангоута, необходимая, ежели судить по его особо ненасытному и запьянцовскому виду. Тем не менее его невиданные уши, которые никак нельзя было привязать, маячили в атмосфере помещения и иногда судорожно настораживались при звуке извлекаемой пробки.

В-шестых и в-последних, напротив него помещался весьма окостеневший субъект, который, будучи разбит параличом, должен был, если говорить серьезно, чувствовать себя весьма неловко в своем неудобном облачении. Облачен же он был довольно-таки необычно, в новый и нарядный гроб из красного дерева. Верхушка гроба давила ему на череп, нависая на манер капюшона и придавая лицу его неопишное своеобразие. По бокам гроба прорезаны были отверстия для рук — столь же ради удобства, сколь и для красоты; но подобное одеяние препятствовало облаченному в него сидеть так же прямо, как его сотрапезники; и он лежал, опираясь о козлы, под углом в сорок пять градусов, а его чудовищно выпученные глаза выкатывали ужасные белки к потолку, в абсолютном изумлении собственною величиною.

Перед присутствующими лежали черепа, служившие пиршественными кубками. Над головою висел человеческий скелет, привязанный веревкою за ногу к кольцу в потолке. Вторая нога, ничем не удерживаемая, торчала под прямым углом, и некрепко связанный скелет со стуком поворачивался по прихоти любого порыва ветра, случайно попадавшего в помещение. В черепной коробке этого мерзкого костяка помещались горячие угли, бросавшие прерывистый, но яркий свет на всю сцену; а гробы и другие похоронные принадлежности были высоко нагромождены по всей комнате и перед окнами, не давая проникнуть на улицу ни единому лучу.

При виде такого необыкновенного сборища и еще более необыкновенного убранства наши матросы не в силах были соблюдать необходимый декорум. Рангоут облокотился о стену, челюсть его отвалилась более обычного, а глаза выпучились до отказа; а Хью Брезент, согнувшись, коснулся носом стола, охватил колени и разразился долгим, буйным и громким смехом, весьма несвоевременным и неумеренным.

Но длинный председатель, не возмущаясь таким крайне грубым поведением, очень милостиво улыбнулся незваным гостям — величаво кивнул им черными перьями — и, встав, взял каждого из них за руку и отвел к сиденьям, тем временем поставленным для пришедших кем-то из компании. Рангоут не оказал ни малейшего сопротивления, но уселся как ему указывали; а кавалерственный Хью перенес свои козлы с места в головах стола поближе к маленькой чахоточной барышне в саване, превесело плюнулся рядом с нею и, налив череп красного вина, залпом осушил его за продолжение знакомства. Окостеневший господин в гробу, казалось, был крайне возмущен таким дерзким поведением; и могли бы возникнуть серьезные последствия, но председатель, постучав по столу, привлек внимание всех присутствующих следующей речью:

— Наш приятный долг при настоящем, столь счастли-
вом событии...

— Тихо! — с очень серьезным видом перебил Рангоут. — Погодите-ка минуточку да скажите нам, кто вы такие есть да какого черта вам здесь надобно, что разрядились вы по-бесовски да хлещете синюю погибель, которую припас на зиму мой корабельный дружок, гробовщик Вилл Вимбл!

В ответ на эту непростительно грубую выходку вся компания стала подниматься с мест и издавать те же бешеные, дьявольские вопли, что ранее привлекли матросов. Но председатель сдержался первым и, с превеликим достоинством повернувшись к Рангоуту, продолжал:

— Весьма охотно удовлетворим мы всякое проявление разумного любопытства со стороны столь высоких, хотя и неприглашенных гостей. Знайте же, что я монарх сих владений и самодержавно здесь царствую под титулом «Король Чума Первый».

Этот покой, который вы несомненно и кошунственно сочли за лавку гробовщика Вилла Вимбла, человека, нам неведомого, чье плебейское наименование ни разу доныне не отягощало наш августейший слух, — этот покой, говорю я, является тронным залом нашего дворца и отведен для заседаний Государственного совета и для иных возвышенных целей.

Благородная дама, сидящая напротив, — наша миропозаманная супруга, королева Чума. Другие высокопоставленные особы, лицезреть коих вы удостоились, все принадлежат к нашей фамилии, и их королевская кровь явствует из носимых ими титулов: его высочество эрцгерцог Чумоносный, его высочество герцог Чумовой, его высочество герцог Чумазый и ее светлость эрцгерцогиня Чумичка.

Что до вашего вопроса о деле, ради которого мы держим здесь совет, — продолжал он, — да простится нам, ежели мы ответим, что оно касается только наших личных и августейших интересов и ни в коей мере не любопытно ни для кого, кроме нас самих. Но, принимая во внимание те права, на которые вы как гости и пришельцы можете претендовать, мы поясним вам, что сею ночью мы собрались тут, дабы путем глубоких исследований и подробных

изучений рассмотреть, проанализировать и до конца определить не поддающийся уточнению характер — непостижимые качества и букет — оных бесценных сокровищ для вкуса, вин, элей и крепких напитков сей славной столицы; и этим не столько осуществить наши желания, сколько обеспечить истинное благосостояние того неземного государя, что правит всеми нами, владения которого беспредельны, а имя которому — Смерть.

— А имя которому — Деви Джонс! — воскликнул Брезент, наливая и своей даме, и себе по черепу вина.

— Нечестивый смерд! — сказал председатель, обращая внимание на достойного Хью. — Нечестивый и подлый холоп! Мы сказали, что, принимая во внимание те права, кои даже применительно к твоей подлой особе мы не желаем нарушать, мы снизошли до ответа на твои невежественные и неразумные расспросы. За ваше кощунственное вторжение в наш совет мы считаем нашим долгом приговорить тебя и твоего спутника к штрафу, взимаемому путем выпивания каждым из вас по галлону черного жгута, выпив какое количество за процветание нашего королевства — и залпом, и преклонив колена, — вы будете вольны или отправиться восвояси, или остаться и удостоиться чести быть допущенными к нашему столу, в соответствии с тем, как кому из вас заблагорассудится.

— Никак этого не будет, — отвечал Рангоут, которому достоинство и властность Короля Чумы, несомненно, внушили известную почтительность, почему он встал и старался не шататься, пока говорил, — ежели вашему величеству угодно, то никак этого не будет, чтобы я да погрузил себе в трюм хотя бы четвертую часть того, что ваше величество только что изволили упомянуть. Не говоря ничего о грузе, что я утром принял на борт в виде балласта, и не упоминая всякие разные эли да водки, погруженные этим вечером в разных гаванях, я в настоящее время полон до отказа «пенным», принятым и сполна оплаченным под вывеской «Развеселого матросика». А поэтому да будет вашему величеству благоугодно считать желаемое сделанным,